91986

1 7 1

ТУ-19-241-82

1

5

студия
ДИАФИЛЬМ

08—3—084

РГДБ
2015
Л. ПАНТЕЛЕЕВ
ДЕВОЧКА
И АТАМАН
СОКОЛОВСКИЙ
РИСУНКИ
В. МАРКИНА

—Мне двенадцать лет было. Мама у нас умерла. Папа второй год с белыми воевал. Жили мы вдвоём с братом Васей. Ему тогда уж пятнадцатый год пошёл, он в комсомоле состоял. А меня в комсомол не брали. Говорили—маленькая.

Подружки мои ещё в куклы играли, а я уже в доме хозяйничала.

Была у нас корова. Хорошая, красивая, во всём городе второй такой не сыскать. Сама вся чёрная, как ворона, и только на лбу белая звёздочка. За это и кличку ей дали подходящую—Ночка. Это ещё мама её так назвала.

Утром я гоню Ночку в стадо. Прихвачу соседских коров штуки три-четыре — мне ещё веселее. Так через весь город и топаем. А потом — река. А на реке — мост. Мы через мост идём. А потом уж луга идут, а за лугами — лес.

Правда, меня пугали, будто в лесу бандиты орудуют. Только я сначала не верила. Мало ли что девчонки болтают. Но однажды и Вася мне сказал: «Ходи осторожнее. В Заречных хуторах действительно бандиты объявились».

А у нас в городе в это время никакого войска не было. И некому было его защищать. Одни комсомольцы остались, вроде Васи нашего. Им на всякий случай оружие выдали. И Вася мой тоже какой-то наган завалящий получил.

Все ожидали, что вот-вот Красная Армия подойдёт. Богунская дивизия тогда шла от Киева. Эту дивизию у нас в городе все ночью и днём ждали. А я больше всех ждала. Потому что в одном из полков этой дивизии служил наш папа.

Однажды сижу, дожидаюсь Васю. Уж давно и обед сготовила, и на стол накрыла. А Васи всё нет и нет. Вдруг слышу: за окном где-то—бах! бах! А тут Вася вбегает. Дико на меня так посмотрел и говорит: «Банда идёт! Атамана Соколовского банда. Я за наганом пришёл».

Прибежала я за Васей следом в комитет, а там уж народу — не протолкаться. Слышу, ребята о чём-то судачат. — «Мост, — говорят, — сейчас взрывать будем». — «Правильно! Пусть через реку сунутся — без моста-то».

А один говорит: «Они, если захотят, и по плотине Стахеевской мельницы переберутся». — «Кто им, интересно, покажет эту плотину? О ней ведь и в городе не каждый знает». — «Ловко, — думаю, — молодцы ребята!» — И вдруг меня за плечо кто-то как схватит. Оглянулась — Вася. — «Ты что? А ну, домой сию же минуту!»

До угла не успела дойти—как бабахнет! В ушах зазвенело. И даже в глазах темно стало. Думаю: «Что это? Откуда?»— А потом вспомнила: «Мост!»—Подумала так и похолодела.— «Ой, батюшки! Милые мои! Ночка-то! Ночка-то ведь за рекой!»

«Ну,— думаю, — пропала моя Ноченька».— И тут я вспомнила о Стахеевской мельнице. Но до неё мне добежать не пришлось.

Не успела я на дорогу выйти, вижу — навстречу Вася идёт. А с ним ещё человек пять комсомольцев. Рассказала я про нашу беду. А один комсомолец языком прищёлкнул и говорит: «Опоздала, дивчина. Наши ребята только что побежали плотину взрывать».

На берегу уже никого не осталось, все куда-то попрятались. Только я одна сижу у самой воды и смотрю на тот берег. А мост всё ещё горит. Вдруг где-то близко-близко захлопали по воде вёсла. Я голову подняла — вижу, лодка плывёт. А в лодке знакомый старик — дядя Фёдор, охотник.

Ну, я ему всё рассказала, сквозь слёзы-то. Он помолчал, веслом поиграл и говорит: «Жалко корову. Э, была не была: давай, садись поскорей в лодку. Поедем твою бурёнушку спасать...»

Вот уж до того берега совсем близко осталось. Мне не стерпелось, я встала, думаю — сейчас соскочу на берег. Вдруг слышу: «Стой! Кто такие?» — Дядя Фёдор лодку с разгона как повернёт: «Садись, девка! Живо! Назад!»

А я не знаю, что со мной сталось, откуда у меня и храбрость-то появилась. Взяла да и прыгнула в воду. И скорее к берегу. А уж над головой пули свистят. Одна, другая, третья...

Дядя Фёдор так и ушёл от бандитов невредимый. Рассердились они. Заругались. И сразу на меня накинулись: «А ты кто такая? Тебе что здесь требуется?» — «Я, дяденьки, за коровой приехала». — «За какой ещё коровой? А ну, пошли к атаману. Разберёмся...»

Я всю дорогу плакала. А бандиты меж собой говорят: «Ну её! Может, она и верно за коровой приехала!» — «Бросьте! Знаем мы, какие у них тут коровы. Никаких тут коров нема!» 20

И только сказал, вижу: навстречу нам из леса выходят коровы. Я как закричу: «Вот она! Вот моя корова!» — За шею схватила и целовать! А Ночка меня узнала, трётся об меня. Тут уж, конечно, бандитам пришлось поверить, что я за коровой приехала, а не за чем-нибудь другим.

Только мы с бандитами разговор кончили, слышу: копыта стучат. Из лесу на лужайку всадники скачут. Бандиты как увидели их, испугались: «А ну, ребята, сторонись! Атаман едет».—Увидел меня атаман и говорит: «А это кто такая?»— «А это,—отвечают,—девчонка. За коровой пришла».

Он на меня зверем посмотрел и говорит: «Ты тутошняя? Скажи, далеко отсюда будет Стахеевская мельница?» — Я думаю: «Что делать? Надо что-то такое придумать. Надо их обязательно задержать, обмануть». — А атаман говорит: «Проводи нас».

—«Так и быть,—думаю,—поведу их не в ту сторону».—Тут вся банда двинулась за мной следом. Впереди Ночка моя выступает. За ней—я с хворостинкой. Со мной рядом—атаман Соколовский на коне, а за ним следом—его есаулы, помощники, и вся шайка.

—«Так и быть,—думаю,—поведу их не в ту сторону».—Тут вся банда двинулась за мной следом. Впереди Ночка моя выступает. За ней—я с хворостинкой. Со мной рядом—атаман Соколовский на коне, а за ним следом—его есаулы, помощники, и вся шайка.

Они меня по дороге много о чём расспрашивали. И сколько в городе красных, и много ли у них при себе оружия. Я говорю: «Ох, до чего много! И винтовки, и пулемёты, и револьверы. Даже пушка есть. Я своими глазами видела: у самой плотины стоит».

И вдруг — бах! трах! Три раза подряд как грохнет! — «Ну, — думаю, — молодцы наши, плотину взорвали». — Атаман ко мне повернулся и говорит: «Я думал — ты врёшь». — «Правильно, — думаю, — вру». — А он уже не мне, а своим есаулам говорит: «А девчонка-то правду сказала. И верно, трёхдюймовка у них».

Я думаю: «Какая трёхдюймовка?» — Посмотрела за реку. А там в эту минуту что-то как вспыхнет, как ухнет. И почти сразу же где-то совсем рядом в кустах за моей спиной взорвался орудийный снаряд. Меня даже воздухом в сторону откинуло.

Бандиты от страха прямо с ума спятили. Такой у них поднялся галдёж, такая свалка, что и рассказать не могу. Атаман Соколовский кричит: «Стой! Стрелять буду!» — а они и не слушают его, гонят куда попало.

И вдруг мне как будто подсказал кто-то: «Так это же папа! Папина дивизия подошла!»—А бандиты уходят, я сама увела их подальше от города. Меня будто крапивой стеганули: «Что же я наделала? Дура! Ведь их, если в лес уйдут, полгода ловить придётся!»

«Как же,—думаю,—их задержать? Что бы такое придумать?»— И придумала всё-таки.—«Ну,—говорю,—Ноченька, до свидания».—Подхлестнула её хворостинкой, а сама повернулась и—бегом, догонять бандитов.

Ещё добежать не успела, а уж атаман как будто ждал меня: «Ну! Где ж плотина-то?» — Я задрожала вся, руки перед ним ладошками сложила и говорю: «Ой, дяденьки, миленькие! Вы только не сердитесь, не ругайтесь... Ошиблась я маленько. Плотина-то ведь в той стороне».

Он свою серебряную саблю выхватил: «Ты что?!» — Тут другие закричали: «Рубай её, атаман. Рубай красную гадину! Застрелить её надо! Стреляй в неё, атаман». — Я думаю: «Ну, что ж! Сейчас застрелят».

Вдруг атаман саблю обратно вложил, по рукоятке ладошкой похлопал и говорит: «Ладно. Веди к плотине. Если обманешь, сам на месте тебя зарублю».

Потом на коня вскочил и кричит: «Эй вы, черти окаянные, поворачивай!» — Гикнул, свистнул и вдруг коня придержал, нагнулся, схватил меня подмышки и — к себе в седло.

Я даже кричать не могла. Будто деревянная стала. Лошади в холку вцепилась, зажмурилась и глаз не разжимаю. А сама думаю: «Может быть, папина дивизия и не пришла в город? Может быть, я в безоружный город бандитов веду?»

Но до города мы так и не доехали. Не успели. Только, я помню, мы с бандитами из лесу выскочили—у меня над головой что-то как засвистит. А уж где-то впереди слышу: «Ура-а! Ура-а! Ура-а!»

Я лошадь за шею обхватила, высунулась и вижу: бегут к нам люди. И хоть они далеко ещё, а уж вижу, что это не простые люди, а военные, в шинелях, с винтовками. А впереди на коне командир скачет и наганом над головой размахивает...

Я, как угорь какой-нибудь, из седла выскользнула, на землю спрыгнула и бегом навстречу. — «Папа, — кричу, — папочка!» — А за спиной слышу: «Стой! Гадина!» — Оглянулась — несётся ко мне атаман Соколовский.

Весь изогнулся, чуть из седла не валится. Лицо злое. Глаза горят. Оскалился.—«Стой!»—кричит. И вижу, саблю надо мной поднимает. Потом у меня что-то в ушах затрещало и ноги подкосились.

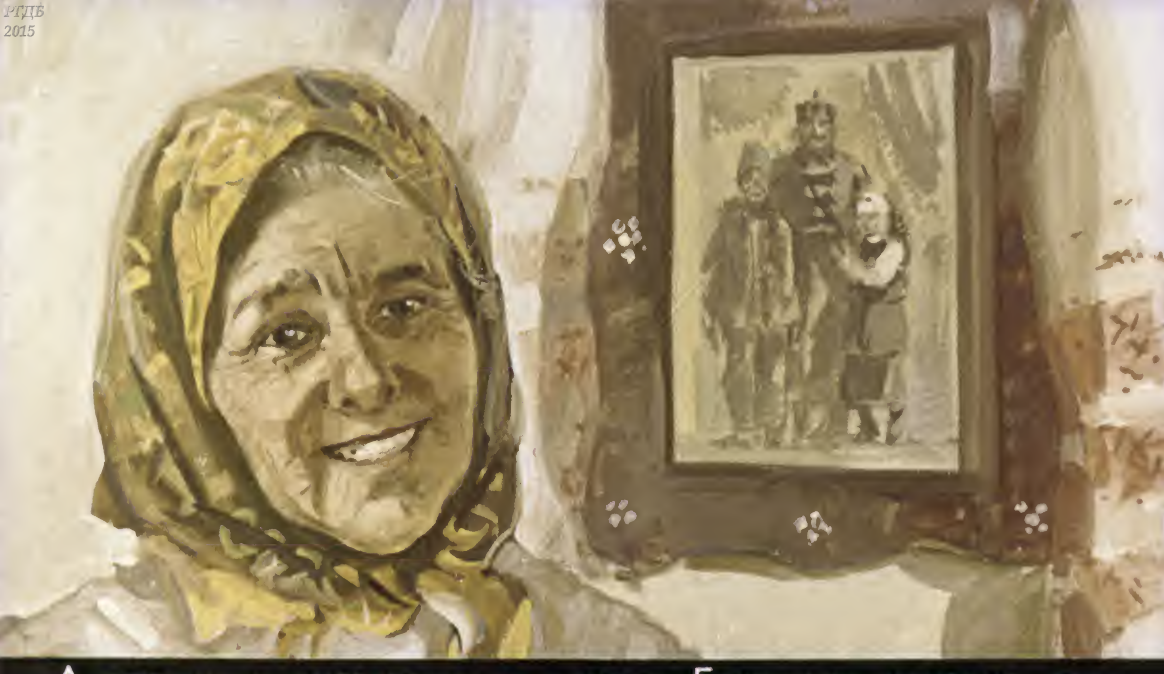
Очнулась—где-то стреляют, «ура» кричат. А мне кто-то голову гладит. Страшно мне стало. Потом посмотрела получше и узнала: Ноченька это, корова наша.

Я голову повыше подняла, вижу: поляна или опушка лесная. Луна светит. Ёлочка растёт. Около ёлочки конь гуляет, а рядом со мной человек лежит. Тут я и вспомнила всё. И Соколовского атамана узнала.

Встать хотела — не могу. Всё крутится, качается, будто я целый час на одной ножке вертелась. Вдруг, будто сквозь сон, слышу — кричат: «Вот она!» — И люди бегут на полянку. Впереди, вижу, Вася бежит. За ним дядя Фёдор, а за ними с конём в поводу — папа!

А дальше и рассказывать нечего. Бандитов, конечно, всех переловили. Мост новый построили. А я три денька всего и повалялась в постели. Уж столько народу меня навещать в эти дни приходило, что даже неловко было. Папа у нас неделю только и погостил. А потом опять воевать уехал.

А через день или через два вечером возвращаюсь с Ночкой из стада — смотрю: комсомольцы идут. Увидели меня — честь отдают. — «Здоро́во, — говорят, — товарищ военный инвалид. В комсомол хочешь? Пиши заявление...» — А у меня ведь заявление-то месяца три уж под подушкой лежало.

РГДБ
2015
КОНЕЦ
Сценарий В. Северьяновой
Редактор Л. Алисиевич
Художественный редактор О. Новозонов
© Студия «Диафильм»
Госкино СССР, 1979 г.
101000, Москва, Центр,
Старосадский пер., 7
Цветной 0-30 Д-175-79
46